

Чу Тяньцзэ в одночасье оказался не в силах принять эту правду. Перед глазами всё плыло, он схватился за голову и исподлобья, мрачно посмотрел на Чэн Чэня:

— Почему ты не сказал об этом с самого начала!

Чэн Чэнь безумно расхохотался:

— Чу Тяньцзэ, ну и ну, до чего же ты наивен. Красивый богач обещает защищать тебя и заботиться о тебе — только дурак бы отказался, не так ли?

Возможно, понимая, что его ждет незавидная участь, он в отместку выложил всё, что планировал.

— Есть еще много вещей, о которых я не говорил, но ты ведь в глубине души догадывался, верно? Ха-ха, точно, это я подговорил дворецкого найти людей, чтобы избить Шань Ли! И это я специально упал с лестницы, чтобы подставить его. Всё это сделал я. Я еще издевался над ним, кормил объедками, нарочно обжигал кипятком. Ну и что с того?

— Только потому, что ты решил, будто я — тот самый Шань Ли из прошлого, ты без всяких причин выгораживал меня и потакал мне, — Чэн Чэнь холодно усмехнулся. — И не пытайся свалить всю вину на меня, потому что главный виновник всего этого — ты сам!

— Заткнись!

У Чу Тяньцзэ голова разболелась еще сильнее. В приступе ярости он схватил стакан и швырнул его в голову Чэн Чэня.

На голове Чэн Чэня зияла кровавая рана.

Тот лишь безразлично усмехнулся:

— Раз уж мне не жить хорошо, я не дам жить спокойно и вам! Говорю тебе, Чу Тяньцзэ: в тот момент, когда у Шань Ли началась депрессия, ты уже окончательно потерял его. Навсегда!

Чу Тяньцзэ, словно обезумев, смахнул всё со стола на пол. Он беспомощно сел на землю и, совершенно раздавленный, закрыл лицо руками.

Слова Чэн Чэня, словно проклятие, звенели в ушах, не давая покоя.

Это ты.

Это ты погубил Шань Ли.

Это ты уничтожил его, ты отплатил злом за добро, довел до отчаяния и краха младшего брата, который когда-то относился к тебе с такой теплотой!

Во всём виноват ты!

Чу Тяньцзэ вышел, словно лишившись души. Он брел бесцельно, не зная, куда идет.

Он не смел показаться Шань Ли на глаза, потому что боялся: стоит ему увидеть его, как тут же нахлынут воспоминания о совершенных грехах, о детской улыбке Шань Ли и о том, как...

Чу Тяньцзэ вдруг вспомнил одну вещь.

Он помнил, что сказал Шань Ли при их первой встрече.

Тогда Шань Ли смотрел на него с обожанием.

— Кажется, я видел Чу Тяньцзэ во сне или где-то еще.

— Он мне очень нравится.

Мальчик, потерявший память, пришел к нему.

А он его не узнал.

Чу Тяньцзэ в конце концов не выдержал и беззвучно зарыдал.

...

Ледяная вода, выплеснутая на голову, заставила Чэн Чэня вздрогнуть и мгновенно прийти в себя.

Он увидел перед собой Шань Ли, который улыбался с пугающей, демонической грацией, и его пробрал холод.

Он не помнил, как потерял сознание, но знал: в этом наверняка замешан Шань Ли.

Чэн Чэнь настороженно посмотрел на него и, борясь с собой, поднялся.

— Что ты хочешь сделать?

— Я давал тебе шанс, но ты его упустил, поэтому, конечно, я должен тебя наказать.

Уголки губ Шань Ли слегка приподнялись. В его глазах не осталось и следа от той подавленной, пустой депрессии. Хотя лицо озаряла легкая улыбка, от него веяло пронизывающим холодом.

Лицо Чэн Чэня изменилось. Только сейчас до него дошло, и его рука, указывающая на Шань Ли, задрожала:

— Это ты... ты всё это спланировал...

Шань Ли вовсе не давал ему шанса свергнуть Чу Тяньцзэ. Он просто расставил ловушку, играя с ним, как с обезьянкой.

При мысли о том, что он целый месяц старательно строил планы, став лишь игрушкой в руках другого, лицо Чэн Чэня помрачнело.

Шань Ли приподнял бровь:

— Верно, я действительно всё это спланировал, — он сделал шаг вперед и холодно рассмеялся.
— Потому что внезапно понял: играть чувствами врага тоже довольно приятно.

Его изящная, белая как нефрит рука взяла чайник с кипятком и вылила его прямо на Чэн Чэня. Глядя, как тот корчится от боли, он лишь сильнее улыбнулся.

Так Шань Ли применил к Чэн Чэню все те методы, которые тот когда-то использовал против него.

Чэн Чэнь пытался сопротивляться, хотел сбежать или дать отпор.

Сбежать? Единственный выход был перекрыт Шань Ли.

Сопротивляться? Стоило ему замахнуться кулаком, как Шань Ли тут же вывихнул ему запястье.

Юноша, так похожий на него, не только притворялся, он мастерски скрывал свою истинную силу.

Лишь теперь Чэн Чэнь по-настоящему раскаялся в содеянном. Весь его вид выражал боль, лицо было перепачкано слезами и соплями, он выглядел жалким. Цепляясь за штанины Шань Ли, он взмолился:

— Умоляю, пощади меня! Я больше никогда не буду делать ничего плохого!

Глядя на него, Шань Ли слегка улыбнулся:

— Больно?

Чэн Чэнь тупо кивнул:

— Больно.

— Мне тогда было больнее, чем тебе сейчас.

Шань Ли поджал тонкие губы, в его прекрасных глазах застыл лед.

— Если бы не вы, этот человек мог бы прожить нормальную жизнь, жениться, завести детей. Это вы разрушили его жизнь до основания. Ха, а теперь просишь у меня пощады? Поздно!

Чэн Чэнь не понимал, о чем говорит Шань Ли. Образ юноши навсегда запечатлелся в его сердце, вызывая ужас. Он горько жалел о том, что связался с этим дьяволом, но теперь было

уже слишком поздно.

После всех истязаний нервы Чэн Чэня не выдержали, и он потерял сознание.

...

Пока Шань Ли мстил Чэн Чэню, Чу Тяньцзэ топил горе в баре.

Слишком много событий произошло за день. Узнав правду, он не знал, как смотреть в глаза Шань Ли. При мысли о том, что он сам довел его до безумия, сердце сжималось от невыносимой боли.

Он пытался забыться с помощью алкоголя, чтобы набраться храбрости и снова встретиться с ним.

К ночи Чу Тяньцзэ был мертвецки пьян, от него разило спиртным.

Он не решился включить свет. Тихо стоя у кровати Шань Ли, он с обожанием смотрел на него, не смея пошевелиться, боясь потревожить.

Но нынешний Шань Ли был слишком чувствителен.

Даже когда Чу Тяньцзэ старался затаить дыхание, чтобы не издать ни звука, настороженный Шань Ли всё равно его заметил.

Увидев Чу Тяньцзэ, он в ту же секунду забился в угол, дрожа всем телом. Его лицо побледнело, на лбу выступил холодный пот.

Увидев это, Чу Тяньцзэ лишь горько усмехнулся. Он спрятал протянутую руку в рукав и сжал кулак. Постаравшись смягчить голос, он прошептал:

— Сяо Ли, прости. Я был неправ, я больше никогда так с тобой не поступлю. Пожалуйста... не бойся меня.

Шань Ли укрылся одеялом, оставив снаружи лишь пару темных, безжизненных глаз. Он молчал, но испуганный и настороженный взгляд говорил сам за себя.

Он не доверял Чу Тяньцзэ, он боялся его.

Чу Тяньцзэ охватила паника. Под холодным, настороженным взглядом Шань Ли он не смог больше стоять и в ужасе сбежал.

Несколько дней Чу Тяньцзэ не решался прямо посмотреть на Шань Ли. Он нанял лучших сиделок и психотерапевтов, но состояние Шань Ли оставалось нестабильным.

Когда настроение было хорошим, он сидел на стуле и грелся на солнце — с рассвета до заката.

Одна из сиделок как-то спросила:

— Господин Шань Ли, почему вы так любите греться на солнце?

Шань Ли ответил:

— Потому что солнечный свет теплый.

Потому что только под лучами солнца он мог почувствовать хоть крупицу тепла.

Даже эту кроху он бережно хранил в глубине души, лелея ее. Это было то, о чем Шань Ли не сказал вслух.

Когда же настроение было плохим, он лежал на кровати, не смыкая глаз, и часами смотрел в потолок.

Его лицо было бледным, как у хрупкой фарфоровой куклы, а дыхание — таким слабым, что казалось, он вот-вот перестанет дышать.

Чу Тяньцзэ чувствовал всё большую тревогу.

Он, как советовал психотерапевт, проводил с ним весь день, разговаривая сам с собой.

Но не получал никакого ответа, и это не приносило результатов.

— Нет эффекта? — психотерапевт тоже был в замешательстве. — У пациента, похоже, есть гематома в мозгу, это ключ к его потере памяти. Почему бы вам не попробовать сделать операцию, чтобы вернуть память? Возможно, это улучшит его состояние.

Чу Тяньцзэ, не раздумывая, отказался.

— Это совершенно исключено.

— Почему?

Чу Тяньцзэ молчал.

Потому что чувствовал вину.

Как он мог осмелиться встретиться с Шань Ли, который вернет себе память?

Но отпустить его?

Нет, он не мог этого допустить.

Чу Тяньцзэ был эгоистом. Бесспорно, он любил Шань Ли и никогда не позволил бы тому, кто вспомнил всё, уйти от него. Никогда.

Психотерапевт вздохнул:

— Тогда остается только попросить друзей пациента помочь его наставить на путь истинный.

В голове Чу Тяньцзэ вдруг всплыло одно лицо.

Сы Нань.

Действительно ли он должен связаться с Сы Нанем?

Эта мысль терзала его несколько дней, пока три дня спустя Сы Нань не объявился сам. Только тогда он принял решение.

Сы Нань каким-то образом узнал, что Шань Ли болен, и, беспокоясь, пришел к Чу Тяньцзэ, так как не знал, где именно тот живет.

— Я хочу увидеть Шань Ли. Просто хочу увидаться с ним.

Перед лицом своего бывшего соперника в любви Чу Тяньцзэ мгновенно насторожился.

Именно в этот момент он принял окончательное решение.

Он не позволит Сы Наню встретиться с Шань Ли.

...

Чу Тяньцзэ посмотрел на него ледяным взглядом, уголки губ искривились в злой усмешке:

— С чего бы мне соглашаться на твою просьбу? Какая мне от этого выгода?

Сы Нань сжал кулаки, глядя на Чу Тяньцзэ с нескрываемым отвращением:

— Шань Ли — живой человек, у тебя нет права его контролировать! И ты не можешь запретить мне видаться с ним.

Чу Тяньцзэ презрительно хмыкнул:

— Почему не могу? Сейчас он принадлежит мне. К тому же ты знаешь, я корыстный делец. Я не соглашаюсь на то, что не приносит мне выгоды.

Алчный торгаш! Негодяй!

Сы Нань в душе проклинал Чу Тяньцзэ.

Чу Тяньцзэ окинул его пренебрежительным взглядом и скривил губы:

— К тому же, что ты можешь мне дать? Деньги? купишь ли ты что-то на те гроши, что у тебя есть?

Сы Нань почувствовал унижение и сжал кулаки. Он понял, что приход сюда был его величайшей ошибкой!

Бросив на Чу Тяньцзэ свирепый взгляд, он развернулся и ушел.

Чу Тяньцзэ проводил его взглядом, и насмешливая улыбка тут же исчезла. Он вспомнил слова психотерапевта, и его брови сошлись на переносице.

Нет, должен быть другой способ.

Так он думал.

Но если даже врач был бессилен, как он, Чу Тяньцзэ, мог придумать лучший план лечения?

Он по-прежнему, как и раньше, отложил все дела и проводил время с Шань Ли, разговаривая с ним.

Шань Ли оставался прежним: либо сидел на солнце, либо лежал на кровати, не шевелясь.

Никто не верил в его выздоровление, потому что такое поведение было крайне ненормальным.

Однако, вопреки всем ожиданиям, однажды утром Шань Ли стал прежним.

Он снова улыбался, был мягким в общении и даже приветливо поздоровался с Чу Тяньцзэ.

— Доброе утро.

Чу Тяньцзэ замер. Увидев улыбку на лице Шань Ли, он испытал мгновенный прилив восторга:

— Сяо Ли, ты...

Ты поправился?

Не было ничего, что могло бы обрадовать его больше.

Напряжение в душе Чу Тяньцзэ наконец спало, и на его красивом лице появилась слабая улыбка.

Шань Ли опубликовал те документы и поиздевался над Чэн Чэнем, настроение у него было отличное. Теперь оставалось лишь доконать этого подлеца, чтобы Чу Тяньцзэ познал горечь неразделенной любви.

Играя эту роль так долго, Шань Ли уже устал быть жертвой. Он специально запросил у Системы разрешение на «слом персонажа», чтобы теперь вести себя согласно своей истинной натуре.

Шань Ли подумал об этом, и в его прекрасных глазах мелькнула улыбка. Он перевел взгляд на Чу Тяньцзэ и внезапно усмехнулся, выглядя при этом как демон.

— Моя болезнь наконец прошла, и я всё вспомнил.

Чу Тяньцзэ застыл, в его душе поднялся великий страх. Он оцепенело смотрел на Шань Ли, и

его руки слегка дрожали.

Когда он получил те документы, то понимал, что однажды Шань Ли всё вспомнит и будет глубоко разочарован. Тогда он еще тешил себя надеждой, что даже если память вернется, он сможет заранее промыть ему мозги, заставив зависеть только от себя.

Но он никак не ожидал, что это случится именно сейчас.

Все его планы рухнули.

Чу Тяньцзэ хотел сказать тысячи слов, но, глядя в холодные, равнодушные глаза Шань Ли, почувствовал, что в голове пусто.

— Прости, прости меня, Сяо Ли.

Он мог лишь повторять эту фразу.

Но если бы извинения помогали, зачем тогда нужны полиция и законы?

Шань Ли опустил веки, склонил голову и посмотрел на Чу Тяньцзэ с невинным видом:

— Брат Тяньцзэ, ну что толку от твоих извинений сейчас?

Его тонкие пальцы указали на сердце:

— Здесь очень больно. Оно сломалось от боли, и уже никогда не станет прежним.

— Каждый раз, глядя на тебя, я не могу не вспоминать, как унижительно я жил, как выживал под вашим с Чэн Чэнем гнетом, как принес тебе свое живое сердце, а ты его растоптал... Ха.

Шань Ли встал, резко схватил Чу Тяньцзэ за подбородок и посмотрел на него сверху вниз:

— Так что, просить меня простить тебя... не слишком ли смешно?

Чу Тяньцзэ выглядел мучительно:

— Прости, Сяо Ли. Я знаю, что сейчас не достоин просить прощения, но я обещаю, клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы искупить свою вину и любить тебя!

Шань Ли смотрел ему в глаза.

В них больше не было отвращения или презрения, а лишь безграничная страсть и любовь.

Но Шань Ли почувствовал лишь насмешку и отвращение. Он слегка усмехнулся:

— Хорошо. Если встанешь на колени и будешь умолять, я дам тебе шанс искупить грехи.

Чу Тяньцзэ опешил. Он не ожидал, что Шань Ли выдвинет такое унижительное требование. На мгновение он оцепенел: для него опуститься на колени было пределом унижения, но он не хотел терять Шань Ли.

Долго колеблясь, он закрыл глаза и опустился перед ним на колени.

— Чувствуешь, как это унижительно?

В ушах прозвучал голос Шань Ли. Чу Тяньцзэ резко открыл глаза и увидел на лице Шань Ли нескрываемый холод и насмешку.

— Я просто хотел, чтобы ты знал: когда-то я чувствовал себя в сто раз унижительнее. А ты считаешь позором даже эту мою маленькую просьбу... Ха.

— Чу Тяньцзэ, ты меня очень разочаровал.

Холодно рассмеявшись, Шань Ли закончил фразу и, не оглядываясь, ушел.

Никто не смел смотреть на него, даже Чу Тяньцзэ долго сидел в оцепенении.

Лишь спустя долгое время он пришел в себя, и в его глазах читалась лишь боль.

Как же так...

...

С того дня Чу Тяньцзэ слег.

Почти каждый раз, закрывая глаза, он видел во сне Шань Ли.

Во сне Шань Ли улыбался холодно, смотрел равнодушно, как на чужого человека.

Он больше не готовил ему еду, как раньше, не смотрел с нежностью и доверием, не лежал на диване, как котенок, дожидаясь его.

Всё, чем он владел раньше, теперь будет принадлежать другому.

Сы Наню.

Как только он видел это во сне, сердце словно сжималось, от боли перехватывало дыхание. Он просыпался в холодном поту.

Он больше не смел закрывать глаза, боясь, что кошмар повторится.

Изнуренный этим, Чу Тяньцзэ таял на глазах, глаза налились кровью, лицо посерело.

Не долечившись, он настоял на выписке.

Помощник, увидев его состояние, нерешительно попытался отговорить:

— Господин, вы еще не поправились, нельзя выписываться.

Лицо Чу Тяньцзэ было пугающе белым, глаза — как две черные дыры, лишённые света. Он сжал кулаки и спустя мгновение охрипшим голосом произнес:

— У меня нет времени.

...

У меня почти не осталось времени.

Он боялся, что если опоздает, его Сяо Ли уйдет к другому.

Помощник, понимая, какие отношения связывали босса с Шань Ли, вздохнул:

— Тогда, господин, нужно ли мне разузнать, где живет Шань Ли?

В глазах Чу Тяньцзэ промелькнула тоска.

— Не нужно. Я знаю.

Его Сяо Ли обязательно будет там, в их «доме» из детства, ждать его.

...

Чу Тяньцзэ взял такси и поехал к старому дому.

Это был старый район города S, который скоро должны были снести, здесь жили лишь старики, не желавшие расставаться с прошлым.

Чу Тяньцзэ шаг за шагом приближался к знакомому месту.

Подойдя к двери, он натянуто улыбнулся и постучал.

Но открыл дверь не Шань Ли, а Сы Нань.

При виде Сы Наня Чу Тяньцзэ почувствовал, как небо рухнуло ему на голову. Лицо стало бледным как полотно.

— Где Сяо Ли?

Сы Нань не ответил на вопрос, а сурово спросил в ответ:

— Зачем ты сюда пришел?

— Я спрашиваю, где Сяо Ли!

Чу Тяньцзэ в ярости схватил Сы Наня за воротник, его лицо исказилось от ужасающей злобы.

Шань Ли, услышав шум, вышел из комнаты и, прислонившись к дверному косяку, холодно усмехнулся:

— Господин Чу, есть дело?

Губы Чу Тяньцзэ задрожали. Он прямо на глазах у всех опустился перед Шань Ли на колени и прошептал, умоляя:

— Сяо Ли, вернись со мной, пожалуйста. Я не могу без тебя.

Шань Ли перестал улыбаться, взглянул на него:

— Нет. К тому же...

Он взял Сы Наня за руку.

— Мы теперь вместе.

То, что было в кошмарах, стало явью. Самый страшный миг наступил. Перед глазами Чу Тяньцзэ потемнело, и он едва не потерял сознание.

<http://bllate.org/book/21501/2203385>